

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/magisterskaya-rabota/136438>

Тип работы: Магистерская работа

Предмет: Русская литература

Содержание

Введение 3

Глава 1. Христианские мотивы в русской литературе 7

1.1 Значение мотива в художественном тексте 7

1.2 Причины использования христианских мотивов русскими писателями 18

1.3 Изучение христианских мотивов в литературе в профильных классах 27

Глава 2. Христианские мотивы в произведениях современной русской литературы на примере романов Е. Чижовой «Лавра» и З. Прилепина «Обитель» 41

2.1 Христианские мотивы в романе Е. Чижовой «Лавра» 41

2.2 Христианские мотивы в романе З. Прилепина «Обитель» 51

2.3 Методические рекомендации по изучению христианских мотивов в произведениях современной русской литературы 62

Заключение 86

Список литературы 88

Русская Церковь и страдальческое прошлое русской страны — исторический фон "Лавры".

Она присутствует везде, определяя, явно или неявно, мысли героини, ее тяжелые сны и апокалиптические видения, иногда почти напоминающие пророчества Иезекииля. - Я видел потоки крови, похожие на глубокие реки. Они двигались под землей, время от времени всплывая на поверхность, как вздувшиеся вены.... На берегу, положив руки на колени, сидели измученные люди, лишенные отцов от рождения."

Воспоминания о временах гонений то и дело окрашивают повествование.

Приехав с мужем в Почаевскую лавру (на Волыни), героиня слышит рассказ местного жителя об одной из попыток властей-уже при Хрущеве, который, как известно, ужесточил гонения на церковь-закрывать монастырь. Чтобы разогнать толпу верующих, собравшихся у стен Лавры для ее защиты, используют местные власти ... канализационные машины, и они льют отвратительную вонючую слизь на людей. Но закрыть монастырь все равно нельзя: униженная и поруганная, Лавра продолжает жить своей жизнью. Таким образом, можно сделать вывод, что христианский мотив в романе заключается в том, что героиня постоянно стремится к оправданию и поиску своего существования, к каким-то абсолютным вещам, что выражается в попытке найти Бога и церковь, и в том, как мы в то время относились к самому понятию любви, не понимая что Церковь – это организация созданная людьми, а Бог находится внутри каждого человека.

2.2 Христианские мотивы в романе З. Прилепина "Обитель"

"Обитель" - эпическое полотно, очень впечатляющее по объему (книга насчитывает около 750 страниц). Действие этого произведения происходит в конце двадцатых годов прошлого века. В центре сюжета – легендарный «СЛОН» (Соловецкий лагерь особого назначения), который стал прообразом будущих печально известных сталинских лагерей. С 1992 года комплекс памятников Соловецкого музея-заповедника включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, в 1995 году-в Государственный кодекс особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации

Обитель в романе - сложный, многогранный образ. Не случайно разные мнения о Соловках звучат в устах героев.

Обитель - многозначное слово. Однако, конечно, первое и первоначальное значение слова - "монастырь" - отсылает нас к истории лагеря особого назначения. На его месте на Соловецких островах в Белом море в 15 веке располагался Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь – Ставропигиальный монастырь Русской

православной церкви. Возможно, поэтому автор и дал роману такое название. С тех пор Соловецкий монастырь использовался как место изоляции православных иерархов, еретиков и сектантов, не повинующихся воле государя. Были и политически неблагонадежные люди, такие как опальный Аверкий Палицын, Павел Ганнибал, сочувствовавший декабристам, и другие. Соловецкая монастырская тюрьма существует с 1718 года, почти 200 лет, и была закрыта в 1903 году. Монастырь был тюрьмой задолго до прихода советской власти. В то же время, перестав быть монастырем, он оставался монастырем на протяжении веков. Это уже не просто место заключения, это также дом, убежище и последнее убежище для большинства заключенных. Современная литература любого направления немыслима без ссылок и аллюзий на классические тексты русской литературы. Захар Прилепин, выбирая подобное название, отсылает нас к "золотому веку" русской литературы.

Например, заключенный Василий Петрович, бывший сотрудник белой контрразведки, говорит: "Наши Соловки-странное место! Это самая странная тюрьма в мире". (Следует отметить, что эти слова верны. Так, по свидетельству очевидцев, в Соловецком лагере конца 20-х годов существовали библиотеки, школы, театр, духовой оркестр и даже издавалась газета).

Всесильный начальник лагеря Федор Эйхманис уверен, что "это не лагерь, это лаборатория".

"Владыка" Иоанн, добровольно избравший роль духовного пастыря, склонен говорить, что "Соловки - это ветхозаветный кит, на котором поселились христиане".

Молодой ученый Осип Троянский сравнивает Соловецкий лагерь с лабиринтом ("Отсюда не должна уйти ни одна душа. Потому что мы мертвы").

Поэт Афанасьев уподобляет Соловки Древнему Риму: "Те же лица, та же мерзость, то же скотство и рабство..."

Все эти противоречивые мнения сходятся в одном: Соловки - это особое пространство, где каждый день проводится строгая проверка запаса человеческого достоинства и духовной силы.

Центральное место в романе отводится хронотопу лагеря как "фундамента социального и духовно-нравственного бытия героев" в связи с тем, что он расположен на территории древнего монастыря, приспособленного под скотный двор. Вопросы веры и неверия, вины и греха, ненависти и любви, деградации духа, смирения и возрождения приобретают здесь концептуальный смысл.

Примечательно, что в качестве главного героя З. Прилепин выбирает не идейного борца с системой, а человека, совершившего уголовное преступление: Артем Горяинов убил пьяного отца за измену матери. Но мотивация его поступка выходит далеко за рамки бытового эпизода: он не так обиделся, что застал отца с незнакомой женщиной - "страшно было, что он голый... Я убил отца за его наготу." [44, с. 462]. Нагота здесь становится символом обнаженной истины. Если предшественники Прилепина ориентировались на усилия стоического героя противостоять системе, то "Обитель" отличается отношением к "голой правде" о реальных возможностях человека противостоять устоявшейся машине разрушения личности в биологическом существе и тем самым обнаруживает родство с концепцией В. Т. Шаламова.

В библейском контексте символика наготы актуализируется в эпизоде бегства Артема и Галины, где герой окончательно убеждается в том, "как мало может сделать голый человек" на голой земле. Поэтому странную привычку Артема "никогда не показывать голого тела: шеи, груди, рук - руки всегда в карманах или, если работает, в старых рукавицах" - следует трактовать так: это человек, он беззащитен перед жестокостью жизни, и жажда жизни - его главный инстинкт.

А. Рудалев обратил внимание на то, что человек в "Обители" постоянно находится в ситуации выбора: "примерить демоническую форму" - выжить, став одним из помощников чекистов, "приспособиться и раствориться в аду" или покаяться. Артему Горяинову по ходу сюжета предоставляется возможность примерить на себя все три образа.

Примерка демонической формы начинается с утверждения его кандидатуры в отряд участников Спартакиады и последующего подхода к начальнику лагеря Эйхманису.

Вообще духовно-нравственные проблемы, изложенные в самом названии, очень важны для понимания произведения. Прежде всего вспомним, что события романа происходят, по сути, на святой земле. Несомненно, "Обитель" - это метафора человеческой души. В контексте романа поднимается много духовно-нравственных проблем. Например, проблема устранения памяти: личной, исторической. Эта идея воплощена в символической сцене разрушения монастырского кладбища. Этот эпизод трудно воспринимать однозначно, потому что трудно обвинить заключенных в том, что они сделали (они выполняли приказы своего начальства), но и оправдать их тоже невозможно.

Разрушая старые могилы, в которых похоронены в основном люди, известные своей святой жизнью, осквернители неизбежно очень быстро теряют последнее убеждение в чудовищности происходящего: "Все

постепенно приходили в ярость: кресты выламывались с остервенением, если они не поддавались, их рубили".

Автор решительно подчеркивает, что Соловецкий лагерь является прямым наследником Соловецкого монастыря и существовавшей в нем монастырской тюрьмы. Об этом открыто и не раз говорит начальник лагеря Эйхманис. Он любит сравнивать условия содержания в дореволюционной монастырской тюрьме с условиями содержания в Соловецком лагере: "... ниши были предназначены для заключенных, два ярда в длину и три в ширину. Каменная скамья-и все! Сон-полусогнутый! Вечные сумерки. Также с цепью к стене... Конечно, он убежден, что условия в лагере просвещенной Советской России гораздо лучше, потому что там есть и клуб, и театр, и школа, но читатель скоро убедится, что идейный чекист обманывает себя, потому что прекрасно знает, что карцер в Соловецком лагере — это барак с бревном, на котором заключенные сутками сидят по пояс в ледяной воде, обреченные на смерть всего через неделю такого наказания... Монастырская тюрьма как была, так и остается — жестоко, бесчеловечно, убийственно, если не считать того, что гостей было больше. Да и в самом монастыре мало что изменилось: чекисты живут в дружбе с вольными монахами, для которых Эйхманис даже разрешил открыть один из храмов, где совершаются богослужения. Еще одна проблема очень важна для романа. Сложный образ Соловецкого лагеря проецируется на образ всей России. Герои романа много говорят об этом.

Например, такие мнения на подобную тему высказывает бывший офицер "белой армии" Мезерницкий: "Соловки - это отражение России, где все как в увеличительном стекле", "Была империя, она вся блестела... империя вывернулась наизнанку, вся ее шуба! А еще там были вши, гниды, всякие клопы - все было! Это же Соловки!".

Одной из главных тем романа является также тема покаяния. Не только "Владыка" Иоанн, один из немногих персонажей, сохранивших духовное просветление, утверждает необходимость покаяния: "Бог один знает всякого вора, и у него есть свои Соловки для всех нераскаявшихся, в сто тысяч раз страшнее". К покаянию стремятся и узники страшного соловецкого карцера -Топора. Очень впечатляющий эпизод их духовного самобичевания во время импровизированной церковной службы. Жуткая и мощная сцена! В то же время следует отметить, что не многие люди действительно раскаиваются. Так, часто те, кому удалось выбраться из Топора живыми, продолжают умножать свои грехи. Важно и то, что в абсурдном соловецком мире жертва часто становится палачом. Стоит вспомнить хотя бы заключенного Бурцева, бывшего "белого офицера", который, как только представляется возможность, очень быстро превращается в палача по отношению к своим товарищам. Многие взывают к Богу, но никто не приходит.

Особый вес в контексте романа придается эпизоду, в котором Артем обнаруживает за слоем известки лик святого. Это читается как знак, этакий "намек свыше". Но в кульминационной сцене всеобщего покаяния герой не принимает участия, с "бесовской радостью" и "бесстыдным лицом" вспоминая совершенные грехи. После расстрела Василия Ивановича, а потом и поэта Афанасьева, Артем впадает в депрессию, а тревожное настроение узников Секирки достигает апогея, когда они устраивают общий молебен, каются и исповедуются в самих страшных грехах. Артем не принимает участия в этой публичной исповеди, так как он вовсе не верит в Божью помощь и ожидает худшего. Тем не менее, неожиданная смерть замерзнувшего ночью владыки Иоанна производит на героя потрясающее впечатление и толкает на иконоборчество. Руководимый отчаянием и злобой герой, и вправду полюбивший кроткого и доброго отца Иоанна, неожиданно взбунтовался против Бога, к которому до сих пор сохранял полное равнодушие, а его богоборческий порыв выразился в уничтожении фрески "Его" святого: "Поспешил к своим нарам, уже зная, чем займется, - в один рывок наверх - вытащил ложку и за несколько взмахов исполосовал на части лицо своему князю, помешав нескольким лагерникам, которые в эту минуту молились святому. ...Глаза поддавались хуже всего - и Артём выдолбил их острым концом ложки. Уши стесал по одному. Губы стёр. Волосы повыдирал клоч за клочом. Над телом князя, на широких его плечах больше не было головы: хоть подставляй любую, как в фотографии на Мясницкой улице. Работал быстро, ярясь и скалясь". [44, с. 569]. Как видим, сломленный горем Артем выместил всю накопленную ненависть на неизвестном святом, с остервенением соскабливая со стены его изображение, ставшее уже объектом поклонения со стороны части верующих арестантов. С особой ненавистью он выкалывает глаза "князя" - ведь именно пристальные, пронизывающие душу насквозь глаза считались важнейшей частью иконы и особенно часто они становились жертвой иконоборцев, на что обратил внимание еще Дж. Фразер в своей книге "Золотая ветвь" [12].

Кошунство Артема вызывает сильнейшую реакцию его товарищей по камере. Один из них высказывает даже предположение о том, что иконоборец - нехристь: "Креста на нём нет..." [44, с. 569]. Священник, батюшка Зиновий, старается оттянуть Артема от фрески, убеждая его, что изображенные на покрытой

известкой стене святые временно спрятались под слоем краски и ждут там соответствующего момента, чтобы вновь явиться миру: – "Они... они лежат под известкой, как трава и ягода под снегом... хранятся и ждут... ждут своего часа... как же тебе пришло в голову твою, поганец, раскопать их... и уродовать?.. как же?.." [44, с. 569]. Остальные заключенные повели себя по отношению к иконоборцу намного решительнее отца Зиновия и – добавим – абсолютно не по-христиански. Взъяренные арестанты с остервенением бросились бить несчастного Горяинова, вымещая на нем всю свою злобу, точно это не лагерные власти, а сам Артем был виноват в их ужасном лагерном положении: "...но для начала Артёма просто не стали ловить – сковырнув его с нар, все вдруг, не сговариваясь, отстранились, и он с хрястом в ребрах и красными брызгами внутри черепной коробки грохнулся на бок, прямо об каменный пол, не успев собраться... одновременно почувствовал звонкий ожог в колене, оказавшемся связанным с мозгом доброй сотней стремительных телеграфных линий, пробивших острую брешь в сознании: ужас, ужас, ужас, шлём срочную молнию, сто молний – тут боль, болит, больно! Но этого всем показалось мало, одна рука вцепилась Артёму в ухо, другая в бок, чей-то мосластый кулак тыкал, примериваясь, в бровь... он попытался встать, но его вдавили назад, пнули в грудь, наступили на живот – только обилие слабых и промерзших до неловкости и зябкой суетности людей мешало немедленно разорвать его на части". [44, с. 569]. Несмотря на свой священнический сан, отец Зиновий также принимает активнейшее участие в избивании давешнего иконоборца, обвиняя его во всевозможных грехах: " ...Нераскаянный!.. – вскрикивал Зиновий. – Гниёшь заживо... Злосрадие в тебе – душа гниёт!.. Маловер, и вор, и плут, и охальник – выплуну тебя... ни рыба ни мясо – выплуну!" [44, с. 570]. Рассказчик подчеркивает, что несчастным арестантам, помнящим о своей страшной исповеди, необходимо было найти себе козла отпущения, кого-то, на кого они смогли бы направить всю свою ненависть, – и нашли его в уничтожившем фреску святого иконоборца Артеме: "Кричали так, словно все расплзшиеся вчера гадкие грехи сползлись в Артёма и заселились в нем, – а значит, могли вернуться к любому из его соседей: кому в ухо юркнуть, кому зарыться в пупок, кому в ноздрю нырнуть. ...Этого нельзя было допустить – чистоту души надо стеречь и охранять..." [44, с. 570]. Избиваемый до смерти Артем остатком сознания и с некоторым удивлением констатирует, что арестанты скоро его убьют, но в его состоянии это вызывает не ужас, а равнодушие, и даже некоторую насмешку, как бы со стороны, над людьми и над ситуацией, в которой он находится: "...Выплюнешь, ага, – успел подумать Артём [об отце Зиновии, грозящемся "выплюнуть" Артема.], точно понимающий, что его сейчас убьют, хотя от этого ему не становилось менее забавно и смешно, – а рыбу и мясо не выплунул бы, сжевал бы... А ведь правда забьют!" – еще раз, всё с тем же почти даже смешливым чувством, понял Артём". [44, с. 570]. Герои решаются на "юродствующий" жест – он обращается за помощью к мертвому уже владычке Иоанну: "Владычка! – позвал он плачущим, но чуть дурачащимся голосом – ему стыдно было кричать всерьёз. – Убивают!" [44, с. 570]. Как это ни странно, просьба о помощи была выслушана – Артема неожиданно спасли подоспевшие вовремя пришедшие за ним стражники. Герой – как и все другие заключенные – был сперва уверен, что его ведут на расстрел, но потом оказалось, что его отсидка

Список литературы

1. Агеносов В. В. История русской литературы XX века : в 2 частях. Ч. 2 / В. В. Агеносов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во «Юрайт», 2014. – 687 с. – ISBN 978-5-9916-3579-0.
2. Аристов Д. В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / Д. В. Аристов. – Пермь, 2013. – 191 с.
3. Басинский П. В. Душа проходит, как любовь...: беседа с З. Прилепиным / П. В. Басинский // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2015. -- URL : <https://rg.ru/2015/10/02/esenin.html> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Белецкий А.И. В мастерской художественного слова. М., 1989.
6. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. - СПб. : Паритет, 2006. -- 316 с.
7. Березкина Е. П. Русская литература в контексте православия/Е. П. Березкина, М. Н. Жорникова, О. А. Колмакова. - Улан-Удэ, 2017. - 151 с.
8. Бердникова О. А. Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания / О. А. Бердникова // «Ищите же прежде царствия божия и правды его»: материалы XII Международного форума. – Воронеж : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 105-107.

9. Бондаренко В. Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель» / Владимир Бондаренко // Газета «Завтра». Авторский блог. – 2014. – URL : <http://zavtra.ru/content/view/vlast-solovetskaya> (дата обращения : 18.04.2020).
10. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук : 10.01.01 / А. О. Большев. – Санкт-Петербург, 2003. – 282 с.
11. Бочаров, С.Г. О религиозной филологии / Бочаров С.Г. // Сюжеты русской литературы. - М.: Языки славянской культуры. - С. 585-600.
12. Бридня Н. В. Геокультурный ландшафт православных монастырей Вологодской епархии во второй половине XIX - первой трети XX века / Н. В. Бридня // Русская культура нового столетия проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. - Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 212-220.
13. Бухаркин, П.Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII-XIX веках: (Проблемы культурного диалога) / П.Е. Бухаркин. - СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1996. - 172 с.
14. Бухаркин П. Е. Христианство и русская литература. Православная церковь и светская литература в новое время: основные аспекты проблемы / П. Е. Бухаркин // Христианство и русская литература : сборник статей ; под. ред. В. А. Котельникова. - Санкт-Петербург : Наука, 1996. - С. 32.
15. Быков Д. О новом романе Захара Прилепина / Д. Быков // Новая газета. – 2014. - №53. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/1937136.html> (дата обращения : 18.04.2020).
16. Василий Великий (архиеп. 330-379). Подвижнические уставы подвижащимся в общежитии и в отшельничестве / архиепископ Кесарии Каппадокийской Василий Великий // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския : в 5 частях. – Москва : Паломник, 1993. – Ч. 5. – С. 74-146.
17. Виноградов И.А. Духовные искания русской литературы. М., 2005.
18. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
19. Ветловская В. Е. Вопросы теории сюжета // Русская литература и культура нового времени. СПб.,1994. – С. 195–207.
20. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
21. Гоннова Н.В. Диалог античности и христианства / Н. В. Гоннова // Научный диалог : межвузовский научный семинар. - 2016. - № 7 (55). - С. 324–326.
22. Горичева Т. М. Русская женщина и православие. Богословие. Философия. Культура / Т. М. Горичева. - Санкт-Петербург : Ступени, 1996. – 272 с. – ISBN 978-5-87290-020-9.
23. Данилкин Л. А. «Обитель» Захара Прилепина: лагерьный ад как модель страны / Л. А. Данилкин //Афиша Daily. – 2014. – URL : <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany>, свободный (дата обращения: 7.12.2020).
24. Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма. М., 2007.
25. Дунаев М. М. Православие и русская литература. : М.: Духовная литература, 2004.
26. Духовно-нравственное воспитание в современной школе / сборник материалов- М.: ООО «Самшит-издат», 2006
27. Дунаев М.М. Православие и русская литература. - 2002. - Т. 4. - С. 345; Т. 2 - С. 348.
28. Дунаев, М.М. Православие и русская литература: учебное пособие для обучающихся духовных академий и семинарий. В 6-ти частях. Ч. 1 / М. М. Дунаев. - М.: Христианская литература, 1996. -- 320 с.
29. Есаулов, И.А. Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. - Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. -- 288 с.
30. Есаулов, И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. -- М.: Круг, 2004. - 560 с.
31. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2000.
32. Жизнь русского средневекового монастыря / Е. В. Романенко. - Москва : Молодая гвардия, 2002. - 329 с. – ISBN 978-5-2350-2437-3.
33. Журавлева А.И. Церковь и церковные ценности в художественном мире А.Н. Островского // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум. М., 2013. С. 193-200.
34. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы»// Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 6.
35. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа / В.И. Зеньковский. - М.: Республика, 2005. - 368 с.
36. Ильин, И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев / И.А.

Ильин. - М.: Скифы, 1991. -- 216 с.

37. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Сочинения : в 8 томах / В. О. Ключевский. - Москва : Соцэкгиз, 1959. - Т. 7. - С. 5-32.
38. Козлов, А. С. Мифема, мифологема // Современное зарубежное литературоведение (страны западной Европы и США) : концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. -- Москва: Интрада - ИНИОН, 1999.
39. Котельников, В.А. Православная аскетика и русская литература (на пути к Оптиной) / В.А. Котельников. - СПб, 1994. - 297 с.
40. Курбакова Е. Человек в мире и мир в человеке. О романе Захара Прилепина «Обитель» / Е. Курбакова // Московский комсомолец. - 2014. - URL : <http://nn.mk.ru/articles/2014/06/23/chelovek-v-mire-i-mir-v-cheloveke.html> (дата обращения: 18.04.2020).
41. Лотман, Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. - Т. 3. -Таллинн «Александра», 1993. - С. 127-137.
42. Любомудров, А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев / А.М. Любомудров. - СПб: «Дмитрий Буланин», 2003. - 272 с.
43. Панченко, А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема / А.М. Панченко // Новый журнал. - 1991. - № 1.
44. Прилепин З. Обитель / Захар Прилепин. - Москва : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2014. - 752 с. - ISBN 978-5-17-084483-8.
45. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. - М.: Лабиринт, 2001
46. Романенко Е. В. Повседневная Русская литература 19 века и христианство. М.: Изд-во Московского университета, 1997.
47. Славина А. Б. Роман З. Прилепина «Обитель»: метафизическое пространство Соловков / А. Б. Славина // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2016. - № 2. - С. 92-95.
48. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2015. - № 1. - С. 297-304.
49. Флоренский П. Храмовое действо как синтез искусств// Священник Павел Флоренский. Избранные труды по искусству. М., Изобразительное искусство – Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1996. С. 202.
50. Черняк М.А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу : учеб. пособие / М.А. Черняк. - М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. - 232 с.
51. Чижова Е. С. Лавра / Е. С. Чижова. - Москва : АСТ, 2011. - 416 с. - ISBN 978-5-17-071040-9.
52. Шатин, Ю.В. Миф и символ как семиотические категории // Язык и культура: Новосибирск, 2003. - С. 7-10.
53. Шмелев, И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев ; сост., предисл., коммент. Е. А. Осьминой. - Москва : АСТ, 1996 - 571 с.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/magisterskaya-rabota/136438>